

БИБЛИОТЕКИ
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И
ЮРИДИЧЕСКИХЪ В.Ж.КУРСОВЪ
Н. П. РАЕВА.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ

ПРИ

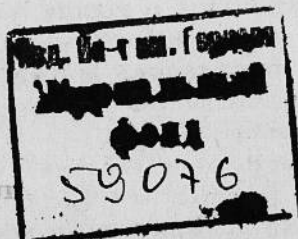
МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Позревшее изданіе.

1860.

ЮЛЬ — СЕНТЯБРЬ.

КНИГА ТРЕТЬЯ

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1860.

берній, дѣлають честь вашему просвѣщенію, правотѣ и видамъ справедливаго челоуколюбія. Изъявляя вамъ за сіе благодарность и пріемля за благо всѣ представленія ваши, Я далъ надлежащее по тому предписаніе; а въ уваженіе свидѣтельства вашего, пожаловалъ Харьковскаго Вице-Губернатора, Статскаго Совѣтника Кортвелина, въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники, Директора училища, Коллежскаго Ассесора Кудрицкаго, въ Надворные Совѣтники и, сверхъ того, опредѣлилъ ему въ пенсіонъ, кромѣ жалованья, двѣсти пятьдесятъ рублей, въ подкрѣпленіе самому училищу приказалъ отпустить пять тысячъ рублей, предполагая и впредь дѣлать ему вспоможеніе; Титулярнаго Совѣтника Шишкина утвердилъ въ Харьковѣ Городничимъ, и находившихся при васъ чиновниковъ, Щепина, Добачевского и Яковенкова, произвелъ слѣдующими чинами.

Пребываю вамъ благосклонный.

На подлинномъ:

Александръ.

Въ С.-Петербургѣ.

Генваря 14-го,

1802 года.

Случившееся при осмотрѣ Слободско-Украинской губерніи, касательно называющихся Духоборцами, требуетъ также особливаго и подробнѣйшаго описанія.

Проѣзжая вмѣстѣ съ товарищемъ въ Харьковѣ, остановились мы на сутки въ Бѣлѣгородѣ. Обѣдали у Архіерея. Вспомня, что при покойной Императрицѣ Екатеринѣ поручено ему было увѣщаніе находившихся въ тамошнихъ окрестностяхъ Духоборцовъ, полюбопытствовалъ я обстоятельно объ нихъ узнать отъ него. Нашедъ въ семъ пастырѣ только судью имъ самаго строгаго, коего и горячность излишняя въ разговорѣ объ нихъ мѣшала ему довольствовать мое любопытство, перервалъ я разговоръ. Тутъ же обѣдалъ одинъ чиновникъ, бывшій Земскимъ Исправникомъ во времена розысковъ надъ Духоборцами, которой помогалъ хозяину бранить ихъ.

День былъ зимній, самый ясной. Послѣ обѣда пошелъ я по городу прогуливаться съ онымъ чиновникомъ и спрашивалъ его наединѣ о Духоборцахъ. Повѣсть его состояла только въ брани же. — «Да изволите жъ ихъ знать?» спросилъ онъ меня. — «Нѣтъ.» И подлинно мнѣ тогда еще не случалось ни одного изъ нихъ видѣть. — «Извольте жъ ихъ посмотреть!» продолжалъ онъ; «похожи ли хоть мало на Христіанъ: кровинки въ лицѣ нѣтъ. Они, злодѣи, и въ церкви ха-

живали; да полно что, въ церкви стоитъ, а не это думаетъ. Только бывало и отрада душѣ, что оттуда ихъ вытацишь, да въ однихъ рубашкахъ палачемъ дуть.»

«По чему жъ,» спрашивалъ я его, «знать было вамъ, что они думаютъ?» — Какъ же-съ, это видно,» отвѣчалъ онъ мнѣ.

Я видѣлъ, что говорить съ нимъ больше нечего, и уже довольно узналъ, какъ поступали съ этими людьми. Скоро имѣлъ я случай и съ нѣкоторыми изъ нихъ разговаривать.

Пріѣхавши въ Харьковъ, между прочими вѣдомостями, потребовалъ я особливую вѣдомость и о томъ, что происходило и происходить съ Духоборцами, живущими въ тамошней губерніи.

Губернаторъ подаль мнѣ вѣдомость. При немъ же читая ее, нашелъ я, что въ царство покойной Императрицы нѣкоторые изъ нихъ заключены были въ тѣсныя заточенія и не возвратились. А при Государѣ покойномъ всякой Генераль-Прокуроръ, въ слѣдствіе Губернаторскихъ представленій, объявлялъ именной указъ о ссылкѣ ихъ цѣлыми семействами въ разныя мѣста на поселеніе и на каторгу, и сослано ихъ такимъ образомъ не одно сто.

Всегда сопровождаемая мудрою терпимостью благость воцарившаяся въ Государѣ Императорѣ Александрѣ I отверзла всѣ темницы въ Россіи, и страдальцы оные освободились. Велѣно было ихъ водворить въ прежнія жилища и оставить въ покоѣ, предоставляя, въ случаяхъ нужды, духовнымъ особамъ ихъ вразумлять и наставлять на путь истины, но безъ всякаго принужденія.

Въ Августѣ возвратились они въ свои дома, или лучше сказать, на мѣста опустошенныхъ домовъ ихъ, а въ Октябрѣ, по отзывамъ нѣкоторыхъ поповъ и чиновниковъ земской полиціи, начали ихъ уже опять увѣщевать. И для того отряжены были Епархіальнымъ Архіереемъ два ученѣйшіе, какъ въ вѣдомости сказано было, Священника, и Земскаго Суда Засѣдатель съ командою.

«Вы сдѣлаете бунтъ,» говорилъ я Губернатору. «Люди не успѣли вздохнуть покойно, а ихъ опять тревожатъ.» Губернаторъ извинялся тѣмъ, что распоряженіе о увѣщаніи ихъ сдѣлано въ его отсутствіе, но что, конечно, никакихъ безпокойныхъ слѣдствій имѣть оно не будетъ. «За послѣднія вы будете отвѣчать,» сказалъ я ему, «и прикажите командѣ возвратиться; а чтобъ Священники теперь погодили трудиться, о томъ переговорите съ Преосвященнымъ.»

Это происходило у меня съ Губернаторомъ ввечеру поздно.

На другой день, которой былъ почтовой, по утру, только что я съѣлъ писать на почту, въѣжалъ ко мнѣ Губернаторъ блѣдной, съ бумагою въ рукахъ и говорить мнѣ: «Ваше Превосходительство отгадали. Въ Изюмскомъ уѣздѣ, гдѣ происходило увѣщаніе, бунтъ, и я пропалъ: Духоборцы не слушаются; говорятъ, что они Государя Помазанникомъ Божиимъ не признаютъ; распятому Господу Иисусу Христу не поклоняются, и ни какихъ податей платить и Государственныхъ повинностей исполнять не хотятъ. Вотъ о семъ и секретной рапортъ ко мнѣ отъ Засѣдателя съ нарочнымъ (при которомъ приложенъ и напѣвъ ихъ, пѣснь или псаломъ, дурными стихами сочиненная), доказывающій ихъ безбожіе. Нѣкоторые изъ нихъ взяты подъ стражу, и Земскій Судъ отправился на мѣсто для свѣдѣнія.»

Успокоивалъ я Губернатора надеждою, что мы этотъ бунтъ не только укротимъ, да и предупредимъ; совѣтовалъ ему больше остерегаться и меньше робѣть.

«Что жъ прикажете дѣлать? спрашивалъ онъ меня. — «А вотъ что,» сказалъ я ему.» Повѣрьте, что все это произошло отъ того, что стали увѣщевать этихъ людей не во время, безъ нужды, не искусно, ожесточили ихъ и не такъ поняли. Доказательство тому—самой присланной къ вамъ напѣвъ ихъ; читайте его: онъ присланъ въ обличеніе ихъ невѣрія къ Спасителю, а преисполненъ благоговѣнія къ Нему. * Вѣрно ихъ спрашивали, что думаютъ о коронаціи, которая недавно была. Извѣстно, что обрядовъ ни какихъ они не уважаютъ, то, конечно, и о семъ надлежащаго понятія не имѣютъ. Да какая же нужда всякого теперь мужика, которой встрѣтится, спрашивать, что онъ думаетъ о коронаціи? Вѣрно ихъ заставляли кланяться образу, и они, по своимъ понятіямъ, не послушались. Вѣрно ихъ спрашивали, будутъ ли платить подати? Они, будучи теперь разоренные, нищіе, которые сами требуютъ помощи, ожесточились такимъ вопросомъ,» и проч.

«Итакъ, вотъ что Вы сдѣлайте. Пошлите тотчасъ туда нарочнаго. Прикажите всѣхъ, взятыхъ подъ стражу, освободить. Донесеніе объ увѣщаніи припишите тому, что не такъ ихъ поняли, какъ и подлинно. Земскому Суду сдѣлайте самый строгій выговоръ за то, что

* Въ напѣвѣ семъ написано было: «Покланяемся Христу, не мѣдному, не серебряному, не золотому, не кованному, и не литому, и не писанному, а Христу, Сыну Божию, Спасу міра,» и проч., и проч.

онъ въ такомъ дѣлѣ, не описавшись къ Вамъ и безъ Вашего наставленія, осмѣлился отправляться для слѣдствія на мѣсто; прикажите ему и съ командою тотчасъ выѣхать въ городъ, а Засѣдателю явиться сюда къ отвѣту. О возвращеніи же увѣщателей-Священниковъ извольте отнестись официально къ Преосвященному, а мы, на нынѣшней же почтѣ, донесемъ о всемъ томъ Государю.»

Губернаторъ вышелъ отъ меня исполнять порученное, а я началъ писать донесеніе Государю.

Товарищъ мой тогда былъ нездоровъ и спалъ еще. Когда онъ проснулся, я ему все рассказалъ и прочиталъ заготовленное мною донесеніе. При всемъ благоразуміи своемъ и человеколюбіи, находилъ онъ поступокъ мой слишкомъ рѣшительнымъ и снисходительнымъ, и при всей неограниченной ко мнѣ довѣренности, этотъ разъ согласился онъ, кажется, только изъ нѣкоторой нѣжности, особливо его характеризующей.

Первое донесеніе о семъ Государю было слѣдующее.

«Изъ Харькова, Ноября 12-го дня, 1801 года.

Высочайшее Вашего Императорскаго Величества имѣя повелѣніе обратить здѣсь вниманіе на всѣ предметы, заслуживающіе уваженіе, особливимъ долгомъ поставили мы обратить оное на происшедшее по Изюмскому уѣзду, относительно такъ называемыхъ Духоборцевъ, о чемъ подробно изъясня въ представленной у сего выпискѣ Вашему Императорскому Величеству, всеподданнѣйше доносимъ слѣдующее. Прежде нашего сюда пріѣзда, начальство здѣшнее, отъ избытка, конечно, усердія, но не проникнувъ въ прямое существо высочайшаго о Духоборцахъ оныхъ указа Вашего, Государь, предприняло ихъ увѣщевать и обращать, едва только освободившихся отъ тяжкихъ узъ, разрѣшенныхъ милосердіемъ и мудрою терпимостью, воцарившимися въ священной особѣ Вашего Императорскаго Величества.

При ономъ нарядномъ увѣщаніи, вопросы, не искусно, конечно, сдѣланные, изторгли изъ увѣщываемыхъ отзывы, какъ доносятъ увѣщатели, противные вѣрноподданническимъ обязанностямъ. Но весьма вѣроятно, что вновь раздраженный фанатизмъ отвѣтствовавшихъ, прежними ихъ бѣдствіями угнетенныхъ и разоренныхъ, облекъ слова ихъ жестокостью, въ сердцахъ не существующею, или недостаточное просвѣщеніе увѣщателей превратило ихъ поняло, а предразсудокъ уже противъ говорившихъ представилъ имъ оныя въ глазахъ гораздо больше черныхъ, нежели они въ самомъ дѣлѣ суть.

Такое заключеніе, думаемъ мы, основательно можно дѣлать. Всемилостивѣйшій Государь, изъ самаго противорѣчія, находящагося въ донесеніяхъ увѣщателей, относительно къ образу мыслей Духоборцевъ оныхъ въ религіи; ибо между прочими статьями доносятъ, что они «Распятому Господу Иисусу Христу не поклоняются,» а въ нѣкоторомъ, такъ называемомъ, напѣвѣ (находящемся въ прилагаемой выпискѣ), котораго нелѣпость, въ свидѣтельство ихъ беззаконія, приводятъ, все показываетъ вѣру и благоговѣніе оныхъ людей къ воплощенію Господню. Заключеніе оное подкрѣпляемъ еще мы тѣмъ, что въ прилѣжныхъ, съ ласковостію, разговорахъ нашихъ съ нѣкоторыми изъ такихъ же Духоборцевъ въ Харьковскомъ уѣздѣ, несомнѣнно открыли мы, при чувствахъ особенной благодарности къ Вашему Императорскому Величеству, готовность повиноваться Монаршей власти, а всѣ земскія обязанности исполнять.

По выше донесенному слѣдствію увѣщанія, Изюмскій Нижній Земскій Судъ, движимый необдуманною ревностію и неопытностію, конечно, въ подобныхъ дѣлахъ, поспѣшилъ отправиться на мѣсто въ то селеніе, гдѣ происходило оное увѣщаніе, для изысканія и производства изъ того криминальнаго дѣла, и о такомъ опредѣленіи своемъ донесъ Губернатору съ нарочнымъ. Но когда Губернаторъ насъ о томъ увѣдомилъ, то мы, за долгъ сочтя весьма обратить на случай сей вниманіе, сообразно, думаемъ Августѣйшей благотворной волѣ Вашего Императорскаго Величества и дѣйствительнымъ средствомъ сохраненія общаго спокойства, толико драгоценнаго отеческому сердцу Вашему, настояли, чтобъ все оное приписано было недоумѣнію и неискуству увѣщателей, всякое тамъ слѣдствіе и розыскъ были бы тотчасъ пресѣчены, чтобъ никакого никому стѣсненія по сему дѣлу чинено не было, и естли кто взять подъ стражу, то ни мало не мешкавъ, былъ бы освобожденъ, а что по время полученія сего отвѣтнаго предписанія уже произошло, о томъ бы, для надлежащаго уваженія, обстоятельно Судъ рапортовалъ и ожидалъ повелѣнія, какъ то означено въ предписаніи Губернаторскомъ, въ копіи находящемся въ прилагаемой выпискѣ, а Губернаторъ бы донесъ Вашему Императорскому Величеству, для Высочайшаго благоусмотрѣнія.

Настояніе о такомъ поступкѣ въ случаѣ семъ отъ главнаго здѣсь начальства сочли мы за нужное, дабы не возпалить фанатизмъ, котораго лучшая пища есть бросаться въ огонь и оковы, всего болѣе

его усиливающія и распространяющія, и дабы отвратить непремѣнное принесеніе жертвъ невинности, или невѣжества, крайней строгости правосудія, не могущей тутъ дѣйствовать съ пользою и успѣхомъ. Еще и по тому разсудили мы за правильное такъ сдѣлать, что образъ мыслей оныхъ Духоборцовъ довольно уже испытанъ Правительствомъ чрезъ прежніе розыски по Тайной Экспедиціи, которую упразднила именемъ и дѣйствіемъ та же великодушная благость Вашего Императорскаго Величества, которая и людей оныхъ изъ заточенія освободила.

Долгомъ также почитаемъ мы, касательно увѣщанія и вообще обхожденія съ оными Духоборцами (коихъ всѣхъ здѣсь небольшое число) изъяснить здѣшнему Начальству Августѣйшую волю Вашу, Государь, изображенную въ доставленныхъ намъ о томъ документахъ такъ: что въ повелѣніи, предоставлять духовнымъ особамъ ихъ вразумлять и наставлять на путь истины, безъ всякаго съ ихъ стороны принужденія, не должно разумѣть безвременныхъ, нарядныхъ, въ видѣ суда, образомъ, смущать и устрашать могущимъ, производимыхъ увѣщаній, но дѣлать то кетати, наблюдая расположеніе, стараясь въ самыхъ мѣстахъ ихъ жилищъ имѣть при церквахъ священниковъ, не столько отличающихся блескомъ школьнаго ученія и искусствомъ въ словопрѣніи, какъ истиннымъ благочестіемъ и усердною любовію къ закону Божію и Евангельскому ученію, жизнию своею свидѣтельствующихъ чувствованія свои и правила. Таковыя пастыри, естественно, вкореня о себѣ доброе мнѣніе, привлекаютъ къ себѣ довѣренность, найдутъ время, случаи и мѣста къ бесѣдамъ своимъ, и самыми простыми способами откроютъ пути къ подѣйствованію на сердца ихъ и умы, желающія просвѣщенія и къ закону Божію внутренно ревностныя, но заблуждающія въ образахъ и средствахъ. Что же касается до вѣрноподданническаго долгу и обязанности, то, слѣдуя мудрому Вашего Императорскаго Величества соизволенію, при обхожденіи съ ними съ кротостію и терпѣніемъ, требовать отъ нихъ, какъ отъ всѣхъ вообще, исполненія обязанностей, предписанныхъ указами Вашего Императорскаго Величества и Государственными законами, по общему Гражданскому и Земскому состоянію, съ неисполняющихъ оныя чинить взысканія по тѣмъ же законамъ, не входя въ мысленные источники и причины неисполненія; естли бы же кто на дѣлѣ оказался прямо воз-

мутителемъ противу власти и общаго спокойства, съ тѣмъ поступать по всей точности и строгости законовъ.

Не оставимъ мы, Всемиловѣйшій Государь, устремлять своего вниманія на оное дѣло, во все время бытности нашей въ здѣшней Губерніи, для исполненія Высочайшихъ препорученій намъ отъ Вашего Императорскаго Величества, которыя всѣ стараемся со всякою рачительностію наилучшимъ образомъ исполнять, и о всемъ будемъ въ свое время доносить Вамъ, Государь, съ искренностью и откровенностью, свойственными безиредѣльному усердію, коимъ повергаемся къ освященнымъ Вашимъ стопамъ.»

Возвратившіеся увѣщатели подтвердили мою догадку.

Въ отчетъ своемъ сказали они, что подлинно первой отъ нихъ вопросъ Духоборцамъ былъ о коронаціи. Духоборцы, не имѣющіе къ обрядамъ уваженія, не могли сдѣлать имъ отвѣта удовлетворительнаго и сказали, что они всякаго Царя почитаютъ отъ Бога поставленнымъ, добраго — даромъ Божиимъ, а злаго — бичемъ за грѣхи. Поставили передъ нихъ образъ Спасителявъ и спрашивали ихъ, вѣруютъ ли они въ предстоящаго предъ ними Спасителя? Духоборцы отвѣчали: «Это не Спаситель, а доска расписанная.» Наконецъ ихъ спрашивали: «Будутъ ли они платить подати и рекрутъ ставить?» Они съ досадою говорили: «Мы нищіе: чѣмъ намъ подати платить! Какіе отъ насъ рекруты? Остался старой, да малой, да изувѣченной. Мы прежде служили Государю, какъ и другіе, а теперь—власть Его, не можемъ.»

Скоро собралось у насъ много Духоборцовъ. Нѣсколько ихъ пришло и изъ Екатеринославской Губерніи. Хотя для порядка сохранялъ я въ дѣлѣ ихъ форму секретнаго производства, однако, чтобъ не подавать видовъ, смущающихъ и привлекающихъ излишнее отъ народа любопытство, говаривалъ я часто съ ними и при всѣхъ, и обыкновенно ходили они ко мнѣ всякой день по утру. Они очень полюбили меня и говорили со мною откровенно. Кромѣ безмѣрныхъ, фанатическихъ, можно сказать, предразсудковъ противъ всякой наружности и скептическаго особничества и предпочтенія себя, нашелъ я въ нихъ понятія о Христіанствѣ самыя коренныя и правильныя. Сила духа въры въ нихъ весьма замѣчательная и общая. Никто почти изъ нихъ грамотѣ не знаетъ хорошенько, писать изъ многихъ, бывшихъ тогда у насъ, худо умѣлъ только одинъ, а всякой о законѣ говорить, какъ книга.

Соглашаяся съ ними, и по справедливости, въ томъ, что все существенное заключается во внутреннемъ, убѣждалъ я ихъ въ надобности и пользѣ ходить въ храмы, исполнять всѣ внѣшнія обязанности, повиноваться всѣмъ уставамъ церковнымъ: «Дѣлайте это», говорилъ я имъ, «хотя изъ любви къ ближнему, безъ которой не можно быть Христіаниномъ; дѣлайте это, по крайней мѣрѣ для того, чтобъ ближнихъ вашихъ не вводить въ грѣхъ отвращенія отъ васъ и вражды! Да для чего жъ», спрашивалъ я ихъ, «перестали вы ходить въ церковь? Вѣдь вы прежде ходили, и все исполняли какъ и прочіе?»

«Признаемся,» отвѣчали они мнѣ, «въ грѣхъ своемъ, что перестали ходить отъ досады, и теперь не можемъ переломить себя.»—Отъ какой же досады?—«Ну, да какъ насъ начали изъ церквей-то таскать, да въ однихъ рубашкахъ бить палочьемъ, приговаривая: Въ церкви стоишь, а не то думаешь.»

Что они не лгали, въ томъ я очень увѣренъ былъ отъ самаго бывшаго Господина Исправника, которой мнѣ хвалился такою палочною противъ нихъ войною, и которой изъ числа почитающихъ Христіанами только тѣхъ, у кого въ щекахъ румянецъ играетъ.

Наконецъ Духоборцы подали намъ прошеніе, въ коемъ, изъявляя свою вѣрность и усердіе къ Государю, просили исходатайствовать имъ позволеніе отдѣлиться въ особое поселеніе.

Въ слѣдствіе сего написали мы къ Государю, включаемое здѣсь, Донесеніе.

«Изъ Харькова. Декабря 3 дня, 1801 года.

Въ слѣдствіе нашего всеподданнѣйшаго донесенія Вашему Императорскому Величеству, отъ 12 числа Ноября, о происшедшемъ въ Изюмскомъ уѣздѣ, по случаю безвременнаго увѣщанія, такъ называемыхъ Духоборцовъ, нынѣ за долгъ считаемъ донести, что, продолжая обращать самое прилѣжное вниманіе на дѣло сіе, всегда находили мы подтвержденіе нашего заключенія о томъ, что безвременное увѣщаніе оное производимо было и образомъ неискуснымъ, и вопросами неосторожными и напрасными, и что отвѣты увѣщываемыхъ совсѣмъ не такъ были поняты.

Наконецъ, самые тѣ изъ оныхъ, которые наиболѣе и съ такою важною обвиняемы были, и которые и по прежде бывшимъ розыскамъ изъ главныхъ почитались, будучи, по настоянію нашему, освобождены, на сихъ дняхъ пришли къ намъ оправдать себя, и въ ласковомъ обращеніи, испытывая ихъ лично, мы совершенно удо-

стовѣрили въ справедливости нашего прежняго заключенія. Потомъ, испросивъ позволеніе, они намъ подали прошеніе, которое подтвердили при насъ и при Губернаторѣ здѣшнемъ, и которое мы при семъ осмѣливаемся въ подлинникѣ представить Высочайшему воззрѣнію Вашего Императорскаго Величества. Въ немъ совсѣмъ противное тому, что имъ приписывали, и мы свидѣтели искреннихъ чувствъ ихъ вѣрности, благодарности и почтенія къ Августѣйшей Особѣ Вашей, Всемилостивѣйшій Государь, простыми изреченіями въ прошеніи ономъ изображенныхъ.

Давно и довольно долженъ быть извѣстенъ ихъ образъ мыслей, хотя едва ли когда, осмѣлимся сказать, при испытаніи ихъ поступлено было съ полнымъ равнодушіемъ и со всѣмъ должнымъ уваженіемъ къ человѣчеству вообще, безъ различія лицъ. Однако, довольно извѣстно, что они, пріемля только духовное поклоненіе и совершеніе таинствъ единственно духомъ же во внутренности, отметають всякую наружность въ религіи; а посему естественно, что не могутъ они уважать и обрядъ мѣропомазанія. Но они признають Государей отъ Бога поставленными и за долгъ считаютъ имъ повиноваться, какъ и всѣмъ властямъ, отъ нихъ учрежденнымъ. А къ Особѣ Вашего Императорскаго Величества они, можно сказать, проникнуты признательностію и любовію, и, говоря о Вашемъ Величествѣ, всякой разъ прибавляютъ: «Онъ нашъ Государь, и человѣкъ добрый и милостивой.» Смѣло повторяемъ мы сіи слова ихъ простодушія, вѣдая, что вѣрноподданническая преданность въ простомъ чувствованіи особливо угодна истинно отеческой любви Вашей и великодушной благодати.

Изъ всѣхъ селеній здѣшнихъ, Духоборцы, гдѣ они есть, и нѣкоторые изъ Новороссійской Губерніи были у насъ, Всемилостивѣйшій Государь, и всѣ изъявляли желаніе отдѣлиться въ особое поселеніе, не назначая никакихъ себѣ къ тому мѣстъ, и въ оныхъ, какъ и въ нужномъ имъ для того вспоможеніи, совершенно предаваясь Всемилостивѣйшей волѣ Вашей.

Мы за нужное считаемъ донести о томъ Вашему Императорскому Величеству, предполагая, что не найдется ли какого образа исполненія онаго на общую пользу Государственную и къ успокоенію самыхъ сихъ людей, устраненіемъ ихъ отъ случаевъ и причинъ быть притѣсняемыми иногда невѣжествомъ, или безразсудною ревностію, и удаленіемъ ихъ отъ вредныхъ послѣдствій вражды съ прочими

поселянами, которые подлинно ихъ не терпятъ, какъ и всѣ почти жители; а при томъ не пресѣкнутся ли, или, по крайней мѣрѣ, не затруднятся ли, чрезъ самое сіе, способы имъ размножаться обращеніемъ къ себѣ другихъ.

Имѣвъ нынѣ довольно случая узнать оныхъ Духоборцовъ, осмѣливаемся сказать, что естли бы заблагоразсуждено было переселить ихъ въ особыя мѣста, то, кажется, удобнѣе бы, не учреждая между ими, какъ между прочими поселянами, своихъ волостныхъ правленій, учредить надъ ними начальство, по примѣру бывшихъ въ экономическихъ волостяхъ комиссаровъ, или управителей, опредѣляя чиновниковъ честныхъ, добронравныхъ и несуетливыхъ.

Не теряя также, по связи общей, изъ виду полного присоединенія ихъ къ господствующей въ Россіи Православной Церкви средствами, истинному духу Христіанства приличными и сообразными сохраненію повсемѣтнаго спокойства, не бесполезно, конечно, было бы тогда селенія оныя помѣстить не въ самой большой отдаленности отъ городовъ, или такихъ селеній, въ которыхъ могли бы просвѣщенные истиннымъ познаніемъ закона Священники, славою благочиннаго прохожденія своей должности, добраго житія и убѣдительнаго, сердечнаго проповѣданія слова Божія, привлекать къ себѣ оныхъ людей, которымъ, конечно, не столько нужно доказывать пользу и необходимость обрядовъ, какъ то, что ни какіе обряды не могутъ препятствовать существенному богослуженію и поклоненію внутреннему, которое подлинно есть коренное и котораго они не отвергають.

Мудрая терпимость, каковую Ваше Императорское Величество столь великодушно являть изволите, и снисходительное, такъ сказать, забвеніе оныхъ людей съ стороны ихъ образа мыслей, всего дѣйствительнѣе могутъ ослабить энтузіазмъ, которымъ они весьма сильно и единственно водятся. Всякое принужденіе раздражитъ только энтузіазмъ сей, всякое утѣшеніе воспалитъ его. Прочіе раскольники, держимые законѣлостію навыка, или особливо выгодами корысти привлекаемые, могутъ, одни отвлекаться отсѣченіемъ средствъ пріобрѣтать оныя выгоды, или даже приведеніемъ въ состояніе необходимо терять предъ другими; иные могутъ убѣждаемы быть въ своихъ заблужденіяхъ, которымъ они слѣдуютъ часто болѣе навыку, и которыя не укоренились въ душахъ ихъ, а въ серд-

цахъ, по большей части, и вовсе не существуютъ. Но, такъ называемые, Духоборцы оные совершенно восхищены однимъ энтузіазмомъ, и столь бѣдны, что терять имъ нечего.

Бѣдность ихъ, Государь, прекрайняя; ибо они до конца разорены ссылкой со всѣми семействами на заточенія и въ работы, изъ коихъ освободило ихъ милосердіе и человеколюбіе Вашего Императорскаго Величества. Дома ихъ и всѣ пожитки проданы. И хотя повелѣно было полученныя за оные деньги имъ доставить, и доставлены въ мѣста бывшей ихъ неволи, но все сіе продано за безцѣнокъ, и не могло иначе быть продано; а впрочемъ, какъ все оное въ подобныхъ случаяхъ дѣлается, то конечно извѣстно, осмѣлимся мы сказать, спасительной для вѣрнѣйшихъ Вамъ народовъ опытности Вашей, Государь, и прозорливости.

Бѣдное состояніе оныхъ людей, коихъ и число здѣсь не велико, столько жалостно, что по истинѣ достойно обратить на себя воззрѣніе великой щедроты Вашего Императорскаго Величества, дающаго примѣръ земнымъ владыкамъ священнаго уваженія къ человечеству.

За долгъ поставили мы все оное всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству, и мнѣніе наше смѣло и свободно представили, руководимы будучи безпредѣльнымъ усердіемъ къ Августѣйшей Особѣ Вашего Императорскаго Величества и къ пользѣ отечества. Вѣрноподданническою любовію цѣлуя скипетръ благоденствія его держащую руку Вашу, повергаемся къ освященнымъ Вашимъ стопамъ.»

Сіе Донесеніе отправили мы уже по окончаніи осмотра Слободской - Украинской Губерніи и собираясь вмѣстѣ съ товарищемъ возвратиться въ Москву чрезъ Богучарской уѣздъ той же Губерніи, въ которомъ надобно еще намъ было произвести нѣкоторое изслѣдованіе.

На первое донесеніе наше о Духоборцахъ не имѣли мы еще отвѣта. Признаюсь, что и не ожидалъ я пріятнаго. Я очень надѣялся на прозорливость и человеколюбіе Государя, но не былъ совершенно увѣренъ въ томъ, что ни сколько не могли подѣйствовать толки иныхъ изъ окружающихъ, такихъ, которые хотятъ выслуживаться, представляя вездѣ опасности, хотя ни одной прямой отвратить не умѣютъ, и которые хвалятъ, или порочатъ, дѣло не по тому, каково оно,

а по тому, кѣмъ оно сдѣлано.* Тѣмъ больше, думалъ я, толки такіе могли навлечь препятства, что тогда, со стороны образа мыслей моихъ, не могъ я еще столько извѣстенъ быть Государю, какъ послѣ имѣлъ я къ тому щастіе чрезъ нѣкоторые особливые случаи.

Впрочемъ, при всемъ производствѣ онаго дѣла о Духоборцахъ, съ начала самаго не ожидалъ я себѣ пріятности за него по службѣ, а предметомъ имѣлъ оказать услугу общей Государства пользѣ и человечеству, хотя бы самому и много потерпѣть за то досталось.

Наканунѣ выѣзда изъ Харькова, по обыкновенію своему проснувшись рано по утру, нашелъ я въ своей предспальнѣ ожидавшагося

* Особливо могъ я такъ думать по тому, что клевета и недоразумѣніе давно разглашаютъ, будто я превеликой защитникъ всякой секты и расколовъ, и заключеніе сіе обо мнѣ простирается до слѣпоты. Довольно сказать о томъ только два примѣра.

1. Передъ самою сею поѣздкою въ Харьковъ, видя у одного отлично-разумнаго и ученаго Архіерея (который былъ то пріятелемъ, то гонителемъ моимъ и умеръ, кажется, первымъ), разговаривалъ я съ нимъ о расколахъ и о средствахъ укротить ихъ, представляя къ тому самыя дѣйствительныя, кромѣ жестокостей и тѣлесныхъ истязаній. На другой день Архіерей сей въ собраніи Синода, бывшаго тогда въ Москвѣ, разсказываетъ, что онъ съ ужасомъ вчерась слышалъ отъ меня самаго, какой я защитникъ и покровитель всѣхъ раскольниковъ, и что это такого рода расположеніе мое, которое не бездостойно даже вниманія Правительства. Другой Архіерей, съ которымъ мнѣ случилось говорить точно то же и въ тотъ же самый день, только ввечеру позже, съ удивленіемъ отвѣчалъ ему, что онъ наканунѣ же слышалъ отъ меня, напротивъ, самыя сильныя и дѣйствительныя средства къ пресѣченію расколовъ, но только жаль, что уже поздно ихъ употреблять, и пересказывалъ какія. Гонитель той, при всей лютости своего ополченія, смягчился, однако жъ, и утихъ, посовѣстась, слово въ слово тоже, что и ему я говорилъ, слыша за мое же, отъ своего товарища, и еще старшаго.

2. Вошла въ Сенатъ жалоба отъ раскольника, крестьянина, на своего помѣщика (именно та, о которой говорю я выше въ сей второй части моихъ Записокъ), въ коей онъ особливо жалуется на то, что помѣщикъ мѣшаетъ ему раскольничать. Въ Сенатѣ дается резолюція, послабляющая просителю. Я за болѣзнію тогда не присутствовалъ. Не согласясь на такую резолюцію, далъ я голосъ, чтобъ жалобу эту передать въ Уголовный Департаментъ, для поступленія по строгости законовъ, въ укрощеніе буйства. При чтеніи моего голоса товарищи, въ первомъ движеніи, закричали: «Ну, извѣстно, что онъ за раскольника!» Это даже забавно.

меня Почтмейстера, который вручилъ мнѣ по эстафетѣ полученный отъ Императора рескриптъ.

Готовъ уже будучи прочитать себѣ неудовольствіе, долго не распечатывалъ я его, и распечаталъ гораздо послѣ, распрощавшись съ Почтмейстеромъ.

Но вотъ какой это былъ рескриптъ:

«Господа Тайные Совѣтники и Сенаторы Лопухинъ и Нелединскій-Мелецкій! Примите истинную мою благодарность за поступокъ вашъ въ дѣлѣ Духоборцовъ. Я нахожу его столько же сообразнымъ просвѣщенію и благоразумнымъ вашимъ правиламъ, сколько и основаннымъ на справедливости и настоящемъ положеніи сихъ людей, и въ слѣдствіе того поручаю вамъ, въ продолженіе пребыванія вашего въ Слободско-Украинской Губерніи, наблюсти, дабы распоряженія, вами сдѣланныя, воспріяли точное ихъ дѣйствіе и послужили мѣстному начальству и на будущее время образцомъ поведения его съ симъ родомъ людей. Вмѣстѣ съ симъ вразумляю Я Губернатора, какимъ образомъ должно располагать ему, назначенное при возвращеніи сихъ Духоборцовъ, увѣщаніе и, находя, между тѣмъ, что прежде предпріятого тамошнимъ правительствомъ наряднаго просвѣщенія ихъ умовъ, пристойнѣе и нужнѣе бы было помыслить о ихъ пропитаніи и водвореніи, и что прежде настоятельныхъ вопросовъ о ихъ обязанностяхъ къ Правительству, должно бы было дать имъ почувствовать, что Правительство сіе въ разоренномъ ихъ положеніи готово простерть имъ руку помощи и покровительства, Я предписываю ему, войдя въ ихъ состояніе и описавъ ихъ нужды, представить Мнѣ, имѣютъ ли они дома, и естли не имѣютъ, то сколько потребно будетъ на ихъ построеніе, дабы можно было дать имъ немедленно нужное пособіе.

Впрочемъ пребываю вамъ благосклонный

На подлинномъ:

Александръ.»

Въ С-Петербургѣ.

Ноября 27-го

1801 года.

До восхищенія пріятенъ былъ, конечно, сей рескриптъ, коего слова, изъявляющія терпимость и щедроту Государя, должны неизгладимыми буквами начертаться въ славнѣйшихъ дѣяніяхъ челоѣколюбія и просвѣщенія.

Успокоился и порадовался очень и товарищъ мой, и вотъ что онъ при этомъ сдѣлалъ. Черта почтеннаго характера, достойная быть известною.

На одной эстафетѣ съ рескриптомъ симъ получилъ я письмо отъ Дмитрія Прокофьевича Трошинскаго, въ которомъ сей Министръ, отличною твердостью и рѣдкимъ въ дѣлахъ государственныхъ искусствомъ одаренный, писалъ ко мнѣ о томъ удовольствіи, коимъ онъ искренно участвовалъ при семъ случаѣ въ благоволеніи Монаршемъ, и въ концѣ письма своего писалъ поклонъ моему товарищу.

Товарищъ мой, благодаря его письмомъ, которое изготовилъ онъ послать съ фельдъегеремъ, коего, наканунѣ отъѣзда нашего изъ Харькова, надобно намъ было отправить въ Петербургъ, въ письмѣ ономъ написалъ, что «онъ ни сколько не можетъ участвовать въ благоволеніи отъ Государя, намъ оказанномъ, потому что онъ во все время ничего больше не дѣлалъ, какъ только то подписывалъ, что я напишу.» Я хотѣлъ его пріятельски изодрать, но онъ слишкомъ серьезно сказавъ, что поссорится со мною, вырвалъ его у меня, запечаталъ и отдалъ фельдъегерю. Шутя, я попробовалъ взять письмо у фельдъегеря; только тутъ дошло было подлинно до брани.

Такимъ образомъ началась исторія Духоборцовъ, которые, по нашему представленію, сходному съ ихъ желаніемъ, переселены въ особое жилище, на Молочныя Воды, съ щедрыми пособіями отъ милосердія Государева, и составляютъ теперь одну изъ лучшихъ колоній.

Поступокъ нашъ въ дѣлѣ семъ поставленъ былъ за образецъ начальствамъ всѣхъ Губерній Высочайшимъ именнымъ указомъ, которой чрезъ Генераль-Прокурора объявленъ всѣмъ Губернаторамъ въ томъ же Декабрѣ 1801 года.

Въ публикѣ иные хвалили это дѣло, а большая часть осуждали, и всѣ критики и порицанія устремлялись на меня.

Бранили меня нѣсколько ученыхъ монаховъ, которые думаютъ, что все, касающееся до религіи, есть ихъ монополія, и что безъ ряссы и клобука не можно имѣть истиннаго просвѣщенія въ сей религіи, коея начало и конецъ есть Сый, вездѣ и вся исполняй.

Бранили меня благочестивыми слывшіе старцы, кои не пропускаютъ обѣдней и прилѣжно разбираютъ, рыба ли вязига* и можно

* Подлинно зналъ я одну барыню, очень богомольную, разумную и еще мастерицу по Французски и по Нѣмецки, которая толковала съ Архіереями,

ли въ постные дни чай пить съ сахаромъ, потому что въ него, де, кладется кровь, и которые готовы безъ разбора подписывать людямъ ссылку, и всякую неправду для пріятеля, особливо для вельможи придворнаго.

Бранили думающіе о себѣ, что они философы и выше, какъ говорятъ они, предразсудковъ; которые презираютъ все секты и расколы, хотя не знаютъ прямо, что такое секта, или расколъ; не знаютъ сами хорошенько, какой религіи, и съ надмѣнной улыбкою слабыхъ умовъ говорятъ: «Какъ будто нѣтъ честныхъ людей между язычниками, и какъ будто не было ихъ до Христа,» коему они не вѣрятъ.

Бранили охотники вмѣшиваться въ политику, которые, какъ бы заботясь о благосостояніи и твердости государства, кричатъ, что секты не должны быть терпимы, хотя также ни знаютъ, ни вѣдаютъ, что такое секта и въ чемъ состоитъ благосостояніе государства, и хотя они сами изъ ленточки, изъ титла какого нибудь Превосходительства, и особливо изъ знатной суммы ходячихъ достоинствъ, готовы на все пуститься.

Брани и толки такихъ господъ, и доселѣ продолжающіеся, принималъ я всегда очень равнодушно; но узнавъ, что и тамъ объ ономъ дѣлѣ Духоборцовъ перемѣняются заключенія, откуда вліяніе ихъ можетъ простираться и на общую пользу, не говоря о томъ, что и мнѣ лично въ нѣкоторой вредъ, ибо я о себѣ въ такихъ случаяхъ мало привыкъ думать, и по самому природному моему нраву, равнодушіе тутъ для меня не трудно; узнавъ о семъ, разсѣялъ я одну рукопись, въ которой описалъ все оное происшествіе съ Духоборцами, причины моего съ ними поступка, образъ мыслей моихъ о расколахъ и о томъ, какъ съ ними поступать вообще. Я помѣщу здѣсь сію рукопись, которая не могла быть напечатана, исключая изъ нея сказанное уже мною выше о семъ случаѣ. Къ сочиненію ея особливо побужденъ я былъ однимъ извѣстнымъ мнѣ письмомъ первенствующаго въ Синодѣ Архіерея, въ коемъ онъ, по нѣкоторому случаю, говоря о Духоборцахъ, писалъ: «Сей родъ сильно умножается и, не зная, что дѣлать съ нимъ, зѣло винятъ Ивана Владиміровича.»

можно ли ѣсть вязигу въ тѣ дни, въ которые по Уставу не положено ѣсть рыбу, и ей разрѣшили, почему-то, не упомяну, вязигу къ рыбѣ не причитая.

ВЫПИСКА ИЗЪ РУКОПИСИ

ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ:

ОТЗЫВЪ ИСКРЕННОСТИ.

Слышу, что умножается число, такъ называемыхъ, Духоборцовъ, и что за сіе винять меня.

Естьли бы я зналъ, что обвиненіе такое заключается только въ разныхъ толкахъ невѣжества и въ злорѣчіяхъ моихъ непріятелей (хотя я ихъ развѣ отъ того много имѣю, что никогда не могъ быть и не есть никому непріятелемъ), то я бы не только постыдился, да и полѣнился бы право себя оправдывать.

Но какъ разглашенія такіа могутъ ввести въ ложное понятіе и изъ самыхъ благомыслящихъ людей тѣхъ, которые не знаютъ прямо обстоятельствъ, и какъ статья сія относится къ важному состоянію религіи и къ общественному благоустройству, то я, по чувствамъ моего благоговѣнія къ Церкви и ревностной любви къ отечеству, считаю за нужное нѣчто о семъ сказать.

I

Никогда, не только на бумагѣ, но ниже на словахъ, и съ самыми короткими пріятелями, не одобрялъ я оную секту. Всякая секта должна имѣть, и конечно имѣетъ, свои заблужденія.

Истинная религія есть ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, а новая тварь во Христѣ Иисусѣ, есть истинная натура Христіанства. Кто сего Евангельскаго и Апостольскаго о Христіанствѣ заключенія не приметъ, тотъ или врагъ Христіанству, или совсѣмъ никакого объ немъ чувства и понятія не имѣетъ.

Но для возведенія падшихъ грѣхомъ людей на оный таинственный путь Христіанской жизни, и для постоянного ихъ къ тому препровожденія, при содѣйствіи Благодати свыше, нужны церковные

уставы, обряды, служенія, правительства, начальства и проч. А по сему и надобность учрежденной религіи есть самая священная и спасительная. И изъ всѣхъ, истину исповѣдающихъ, т. е., Христіанскихъ религій, уставъ Греко-Восточной Церкви почитаю я наилучшимъ, не по тому только, что я въ ней родился, но по убѣжденію сердца моего и разума.

II

Исторія раздѣленій Церкви извѣстна. Они столько жъ естественны, сколько естественно заблужденіе людямъ, не могущимъ видѣть истину изъ точки прямого на нее зрѣнія, а испытывающимъ ее по образамъ и оттѣнкамъ, слабостью разсудка природнаго. Отъ сего произошли всѣ раздѣленія (секты) и расколы. Политическія побужденія были всегда уже вторыми причинами. Фанатизмомъ ли суевѣрія, честолюбіемъ, или сребролюбіемъ руководствовались учредители сектъ, но всегда пользовались онымъ заблужденіемъ людей, слѣпотствующихъ на путяхъ къ истинѣ.

Источникъ всѣхъ почти расколовъ есть усердіе непросвѣщенное, исканіе лучшаго образа богослуженія, которое, конечно, рождается отъ усердія къ Богу: но безъ просвѣщенія, на самомъ подвигѣ усердія сего, въ заблужденіе войти можно. Для того же, кто, называясь христіаниномъ, во Христа не вѣруетъ, о Богѣ не помышляетъ, конечно, все равно, тотъ, или другой, образъ поклоненія, или совѣтъ никакого. Таковой, конечно, не уклонится ни въ какую секту, и уклоняться ему не отъ чего.

Итакъ, самая ревность къ закону Божію, но свѣтомъ истиннаго разума не управляемая, заводитъ въ разнообразныя заблужденія и производитъ различные расколы и раздѣленія.

Не постигающей силы духа и внутренняго качества Христіанскаго и заключающей все въ одной внѣшности, боготворить ее и ею соблазняется. Разница въ литерахъ, въ какомъ нибудь обрядѣ, соблазняетъ и совращаетъ его. Онъ лучше согласится не величать Христа, нежели говорить тѣми, а не другими, словами, лучше совѣтъ не будетъ молиться, нежели не тѣ употреблять внѣшніе знаки поклоненія, какіе употребляли его предки.

На семь совратившихся самое большое число. Въ подвигѣ усердія непросвѣщеннаго, при суевѣрномъ обожаніи внѣшности, гораздо удобнѣе слабостямъ человѣческимъ удовлетворяться ея исполненіями, нежели сражаться со страстями и отрицаться самолюбія.

Другіе впадаютъ въ противное, но также въ заблужденіе, и столь-ко же удаляются отъ пути истиннаго. Понимая, что не во внѣшности заключается существенное, но не понимая пользу внѣшности и необходимость ея, какъ средства къ внутреннему, отвергаютъ внѣшнее, презируютъ образное, но не постигаютъ истиннаго, не вѣдаютъ существенной внутренности духовнаго. Разсужденія о Богѣ принимаютъ за созерцаніе божественнаго; молитву неустанную, мысли о молитвѣ, за поклоненіе духомъ и истиною: безразсудное неуваженіе всякой внѣшности, при размышленіи о духовномъ, и при нѣкоторомъ стараніи естественными силами исполнять поверхность Христіанскихъ обязанностей, съ большимъ пожертвованіемъ самолюбію, почитаютъ жизнью духовною, внутреннимъ Христіанствомъ. Не вѣдаютъ, что созерцаніе небеснаго свойственно быть можетъ только чистому оку божественной премудрости, которая не входитъ въ злую душу и не обитаетъ въ тѣлѣ, оскверняющемся грѣхами; что поклоненіе духомъ и истиною есть жертвоприношеніе сердца, исполненнаго страха Господня, при живомъ, вѣрою и любовію ощущеніи присутствія Божія; что духовная жизнь внутренняго Христіанства есть безпрестанное распятіе плоти и страстей на внутреннемъ крестѣ самоотверженія и смиренія.

III

Изъ оной-то смѣси стремленія къ чистѣйшему поклоненію и ложнаго понятія о духовномъ родилась секта, такъ называемыхъ, Духоборцовъ.

Кто именно ее учредилъ и точное время начала ея не извѣстно. Нѣкоторые изъ нихъ меня увѣряли, что уже слишкомъ сто лѣтъ существуетъ у нихъ такой образъ исповѣданія. Правительству же стали они извѣстны около 1770 года. Впрочемъ, хотя отъ начала своего имѣли они правиломъ не уважать ничего наружнаго, и все заключать единственно во внутренности и въ дѣятельномъ исполненіи Евангельскихъ заповѣдей, однако, они всегда ходили въ храмы, бывали у Свят. Причастія, въ храмахъ крестились, бракомъ сочетались, и всѣ внѣшнія обязанности Религіи исполняли. Сіе между ними продолжалось до самаго послѣдняго времени ихъ ссылокъ и заточеній.

Никакая секта въ новѣйшія времена не была столь строго преслѣдуема, какъ оныя Духоборцы, и, конечно, не по тому только, что

они встѣхъ вреднѣе. Разными образами изтязывали ихъ, цѣлыми семействами ссылали въ тяжкія работы, заключали въ самыя жестокія темницы. Нѣкоторые изъ нихъ сидѣли въ такихъ, гдѣ ни стоять во весь ростъ, ни лежать протянувшись, нельзя было. Это мнѣ сказывалъ, хвалясь своимъ распоряженіемъ, одинъ изъ начальниковъ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ они содержались.

IV

Взятыхъ подъ стражу въ Слободско-Украинской губерніи Духоборцовъ велѣли мы съ товарищемъ тотчасъ освободить и уничтожить всякое надъ ними слѣдствіе, въ надеждѣ на прозорливость и человеколюбіе Государя; а притомъ зная, что въ подобныхъ случаяхъ средства строгости всегда обращаются или въ несправедливое изтязаніе слабости и невѣжества, или въ пищу фанатизму, который тѣмъ укрѣпляется и воспаляется больше. Слѣпоту разума должно исцѣлять просвѣщеніемъ разума. Заблужденія духовныя исправлять надобно убѣжденіемъ духа, силою истины. Я думаю, что одна проповѣдь Евангельскаго ученія словами и книгами, при добродѣтельныхъ примѣрахъ, можетъ выводить изъ заблужденія совращающихся съ прямого пути религіи. Исполненныхъ предразсудками противъ всякой внѣшности, или безразсудно прилѣпленныхъ къ какимъ либо особливимъ обрядамъ, никогда не убѣдишь въ пользѣ тѣхъ, а не другихъ. Опыты многихъ вѣковъ сіе доказываютъ. Но когда заблуждающіе въ ономъ будутъ просвѣщены и сердечно убѣждены въ существѣ животворнаго внутренняго Хрістіанства, тогда всякая для нихъ преграда на правильный путь сама собою разрушится, и они, при истинномъ на него вступленіи, узнаютъ и необходимую при томъ пользу внѣшности и обрядовъ для людей, изъ души и тѣла составленныхъ.

Совершенное отметаніе Духоборцами всякой наружности, конечно, есть великое заблужденіе. Кромѣ установленныхъ въ Церкви таинствъ, коихъ предметъ есть освящать души и цѣлить тѣла силою вѣры, отверзая пути сокровенному дѣйствію духа Божія, всѣ уставы и обряды церковныя спасительны и полезны; ибо въ нихъ устроены способы внѣшними упражненіями обращать самыя внѣшнія чувства на вспоможеніе духу, возбуждать сердце трогательностію совершенія служебныхъ обрядовъ, и видимыми образами, описаніями, чувственнымъ пѣніемъ невидимыхъ истинъ, сообщать объ нихъ разительное понятіе разуму.

Итакъ, отверженіе всякой наружности есть, конечно, заблужденіе. Но оно должно исправляться просвѣщеніемъ, а не жестокостью, хотя бы то и не въ сотняхъ семействъ. Убѣжденія нужны. Жестокость же не убѣждаетъ, но только раздражаетъ, или принуждаетъ надѣвать личину, которая въ религіи хуже раскола. Лучше, при усердномъ намѣреніи угождать Богу, отъ невѣжества заблуждаться въ образѣ поклоненія, нежели играть имъ въ угодность людямъ.

* * *

Принявъ все сіе въ уваженіе, безпристрастные, разсудительные, уважающіе челоуѣчество и знающіе соотношеніе пользы государственныхъ, конечно, не осудятъ того, что въ случаѣ семъ сдѣлалъ я съ моимъ почтеннымъ товарищемъ.